

18+

Алексей Иванов

ЕВРЕЙ В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА

יהודי בחובן הטוב של החיים

Алексей Иванов

**Еврей в хорошем смысле
этого слова. Биографическая
повесть в трёх частях и двух
приложениях о юности,
дружбе, любви и многом другом**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41256691
ISBN 9785449636447*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Детство и юность – любой нормальный человек скажет, что это лучшее время жизни. Тогда солнце светило ярче и смех был беззаботнее. Эта книга о юности четырёх молодых людей и о тех, кто их окружал: друзьях, учителях и, конечно же, о девушках. В этой повести нет грустных моментов и отрицательных героев. Вы погрузитесь в советскую атмосферу 70-х—80-х годов. Было непросто, но было весело. По крайней мере, мы не скучали.

Надеюсь, что, читая эту книгу, не будете скучать и вы, уважаемые читатели. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	8
Часть первая: «Школа»	11
Глава первая, в которой рассказывается, как всё началось и немного про разведчиков	11
Глава вторая: про способности и не только	13
Глава третья, в которой появляются ещё двое	15
Глава четвёртая: про школу и учителей	17
Глава пятая: про одноклассников и прозвища	25
Глава шестая: о том, как мы иногда учились, но в основном развлекались	30
Глава седьмая: о том, о чём писать стыдно, неудобно, неловко, но придётся	34
Глава восьмая: о том, как Сёма стал совершеннолетним	37
Глава девятая, в которой «я календарь перелистнул и снова ... 1 сентября»	41
Глава десятая: о том, как важно оказаться в нужное время в нужном месте, и в целом про взаимоотношения полов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Еврей в хорошем
смысле этого слова
Биографическая
повесть в трёх частях
и двух приложениях
о юности, дружбе,
любви и многом другом**

Алексей Иванов

Посвящается нашим родителям

Иллюстратор Марк Райхинштейн

© Алексей Иванов, 2023

© Марк Райхинштейн, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4496-3644-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- Слыхали? Рабинович-то, оказывается, еврей!
- Что, занял денег и не отдает?
- Да нет, в хорошем смысле слова...

(Анекдот)

Не завидуй другу, если друг богаче,
Если он красивей, если он умней.
Пусть его недостатки, пусть его удачи
У твоих сандалий не сотрут ремней.

(Игорь Северянин)

Предисловие

Эта книга появилась на свет благодаря двум достойным джентльменам. Первый из них – мой школьный друг и один из героев данного произведения. Со вторым я познакомился уже в более зрелом возрасте, он тоже очень приличный и неглупый человек, успешный бизнесмен, знает в совершенстве английский язык, а иногда даже албанский. Так получилось, что за бокалом вина я обмолвился им о своей мечте написать книгу. Совершенно неожиданно эта идея их обоих глубоко взволновала (остаётся только догадываться, что стало этому причиной: алкогольные пары или любовь к литературе).

И вот, после того, как они достаточно настойчиво и убедительно предложили свою помощь в этом проекте, мне, как юноше Сантьяго из «Алхимика», стали везде видаться «знаки». По телевизору мне стали попадаться фильмы, в которых главные герои занимаются писательством. Например, «Малавита», где Де Ниро в роли бывшего мафиози, скрываясь от бывших сообщников, начинает писать роман. Дальше в телевизоре наткнулась на лекцию Дмитрия Быкова «Писатель и блог: перспективы» – опять «знак». Ну, и в довершение всего одна хорошая знакомая написала и выпустила книгу про туризм, правда, не художественную, а скорее информационно-познавательную. В общем, по совокупности всех

этих событий я решил, что «сикомор, выросший на месте ризницы в разрушенной церкви» уже предо мной, и начал работу. (Кстати, магия дебютов в годы возраста с двумя одинаковыми цифрами имеет место быть в моей жизни: в 55 я начал писать книгу, в 44 зарегистрировался как индивидуальный предприниматель, в 33 впервые сел за руль, в 22 вышел на свою первую работу, в 11 лет я первый раз занялся... ну, это не так интересно.)

Надо сказать, это был очень непростой период. Во-первых, в силу того, что писательский труд – это всё-таки не мой привычный *modus operandi* (в переводе с латыни «образ действий»). Я человек дела, и, после того как цель поставлена, план её достижения разработан, сроки и ресурсы определены, я обычно начинаю достаточно активно проводить какие-то мероприятия, совещания, встречаться с людьми и так далее. Здесь же я был один, передо мной лист бумаги, карандаш, клавиатура ноутбука... и всё. Никаких тебе встреч, командной работы, мозговых штурмов – только ты. Нет, конечно, план книги тоже был составлен, заметки-наброски сделаны, и процесс, что называется, пошёл.

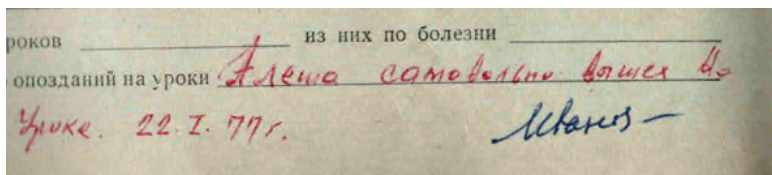
Но через какое-то время появился другой «айсберг», о который чуть не разбился мой литературный корабль – это творческий ступор. Спустя энное количество дней идеи подиссякли, писать стало очень тяжело. В пору было, как герою Николсона в фильме «Сияние», набивать одну фразу: All work and no play makes Jack a dull boy (нескончаемая рабо-

та без отдыха и развлечения делает Джека скучным малым). Однако очень уж не хотелось становиться этим «скучным малым», тем более что английское словосочетание *dull boy* сильно похоже на нашего «долбоёба», а им-то точно не хотелось быть. Пришлось немного изменить подход — поскольку повесть фактически автобиографична, я стал в общении с друзьями наводить их на разговоры об описываемых событиях, вытаскивать детали, иногда проговаривать фрагменты текста, проверяя реакцию.

В итоге спустя несколько месяцев трудов, сомнений, мучений и бессонных ночей рукопись была готова. Она перед вами. Читайте и, как говорится, не судите строго. Удачи Вам и хорошего времяпрепровождения.

Часть первая: «Школа»

Глава первая, в которой рассказывается, как всё началось и немного про разведчиков

Мы познакомились много лет назад 1 сентября, когда учились в 9 классе. Тогда начало учебного года еще не называли торжественно Днем знаний и не устраивали всяких разных открытых уроков и прочих показательных мероприятий. А потому мы просто сидели в нашем классном кабинете математики, пилились на девчонок, которые сильно похорошели за лето, бухтели между собой и предвкушали, как через час мы по-взрослому отметим это знаменательное событие, распив бутылку какого-нибудь «плодово-выгодного».

В это время дверь в кабинет отворилась, и в класс вошла наша завуч по фамилии Абель. Если кто не помнит, то та-

кая же фамилия была у советского разведчика, который делал небольшое предисловие к фильму «Мёртвый сезон» про, собственно, наших разведчиков и их шпионов. Так вот, даже если бы я не смотрел этот фильм, я всё равно был бы уверен, что она, то есть завуч, параллельно работала в разведке или в крайнем случае в контрразведке, поскольку знала она всегда всё и обо всех. Ну а вслед за ней в помещении появился Сёма (тогда мы, конечно, ещё не знали, что это именно Сёма). Точнее было бы сказать, что сначала появился его роскошный нос и уж затем через пару секунд сам его обладатель. Завуч представила его, после чего он с лёгким прищуром оглядел класс, типа выбирая куда сесть, и не одно девичье сердце дрогнуло от этого взгляда, потому что Сёма был дьявольски красив.

Едва прозвенел звонок, я со товарищи пошли знакомиться с новеньким.

– Алексей, – сказал я, протянув руку.

– Семён, – ответил он рукопожатием.

– Рубль есть? – спросил я.

– Есть, – отвечивал Сёма.

– Пить будешь?

– Буду.

С тех пор наши пути не расходились.

Глава вторая: про способности и не только

Сёма с детства был очень способный ребёнок и за это сильно не любил своих родителей. Ну как сильно? Ну не так уж сильно и не то чтобы не любил, а так – немного обижался за то, что они эти способности в нём разглядели и отдали его сначала в музыкальную школу, а потом ещё и в художественную студию. Из-за этого Сёма считал, что у него не было детства и в знак протеста в шестом классе практически одновременно начал курить, выпивать и вести половую жизнь. Если первые два факта легко проверялись и подтверждались, то в отношении третьего мы, а именно я и ещё два наших друга, о которых речь пойдёт чуть ниже, высказывали определённые сомнения. Но Сёма развеял наши сомнения, предъявив в школьном туалете к осмотру своё достоинство и уверенно указав на нём некие анатомические особенности, доказывающие, что он уже не мальчик, но муж. Кроме того, он показал (правда, издалека, попросив не подходить, «чтобы не смущать человека») девчонку, которая, собственно, и помогла ему в этом превращении. Такие аргументы не могли не подействовать, и Сёма безоговорочно был записан в половые гиганты. Данная победа позволила Сёме простить маму и папу за безвозвратно потерянное детство.

Здесь, чтобы Вы, читатель, лучше понимали важность вы-

шенанписанного, сделаю небольшую ремарку – я, например, после шестого класса был отправлен во всесоюзную пионерскую здравницу «Артек» как отличник и активист. Почувствуйте, как говорится, разницу... А вот дальше вы увидите, как эта разница нивелировалась.

Глава третья, в которой появляются ещё двое

Теперь нужно представить ещё двух молодых людей, которые оставили глубокий след в наших с Сёмой судьбах, равно как, смею надеяться, и мы в их.

Звали их Вячеслав и Аркадий. Просматривая школьные фотографии, я абсолютно точно восстановил, что Аркаша пришёл к нам в четвёртый класс, а Слава в середине седьмого, в аккурат после зимних каникул. Я же учился в нашей школе с первого класса. Таким образом, компания наша в её финальном, так сказать, варианте образовалась не сразу. Мы словно приглядывались какое-то время друг к другу для того, чтобы, сойдясь, не расставаться многие годы.

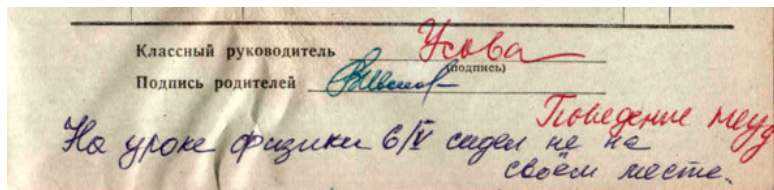
Славик к тому времени занимался баскетболом и делал в нём приличные успехи. Именно к началу девятого класса он вдруг неожиданно вытянулся и стал выше всех нас ростом, хотя мы тоже на физкультуре стояли в самом начале строя, а нашу компанию, кстати, одноклассники, в основном девчонки, за глаза даже называли шлангами, ну, в смысле, что все длинные были. У Славика были изумительные кудри до плеч и какие-то особенно детско-наивные глаза с лёгкой косинкой, что и привлекало к нему внимание девушек в то время. И то и другое он, к сожалению, сейчас потерял в силу частичного выпадения волос, а также при помощи успехов

современной офтальмологии, зато приобрел много других положительных качеств, с лихвой перекрывающих два вышеописанных и по-прежнему притягивающих к нему внимание девушек, разве что возраст их стал постарше... но ненамного.

Аркаша, по моему мнению (и не только моему), был единственным, кто мог соперничать с Сёмой по красоте. Сдается мне, что парни это тоже понимали и заключили друг с другом что-то вроде пакта о ненападении, ну, типа с сильным противником лучше дружить. Единственным моментом, омрачавшим жизнь Аркаше, был тот факт, что он получил первый сексуальный опыт на год позже Сёмы, после седьмого класса. Произошло это на школьной практике в совхозе, однако этому случаю, а также многим другим аналогичным, будет посвящена целая глава.

Нашу четверку я бы назвал скорее мушкетёрской, чем ливерпульской, потому что музыкальный слух из нас всех был только у Сёмы. А вот пошалить, выпить вина, приударить за прекрасным полом и, вообще, влипнуть в какую-нибудь «историю с подвесками», аки мушкетёры, мы готовы были всегда и с удовольствием.

Глава четвёртая: про школу и учителей

Писать эту главу было невероятно трудно, я не один раз переделывал текст. Очень не хотелось кого-то забыть или обидеть, в общем, что выросло, то выросло.

Надо сказать, что в целом со школой нам повезло. Номер у неё был – сорок два. Расположена она была в центре, здание старой довоенной постройки, школа открылась в сентябре 1936 года. В войну, кстати, в ней был госпиталь. А еще в то же примерно время в школе преподавала немецкий язык сестра писателя Булгакова, Варвара Афанасьевна. С неё был написан образ главной героини романа «Белая гвардия» Елены Тальберг.

Процент поступивших из неё в ВУЗы был традиционно высоким. За этим, собственно, Сёму родители и пристроили к нам, чтобы к его высокохудожественным способностям добавились бы и ещё какие-никакие знания, дабы он смог

всё-таки поступить в институт. (Сёма, правда, утверждал, что он просто сам захотел к нам, поскольку из предыдущей школы его отчислили за то, что в 8 классе после экзаменов на выпускной дискотеке он в составе вокально-инструментального ансамбля сыграл Гершвина на электрооргане... носом. На мой взгляд, это вряд ли могло случиться даже «после трёх бутылок портвейна „Агдам“ на всех», как, опять же, говорил Сёма. Хотя вот сейчас я бы уже не стал так категорически утверждать, учитывая размер его носа.)

Педагогический коллектив тоже был проверенный, старой, извините за каламбур, школы, молодежи фактически не было. Почти всех их я помню по имени-отчеству (за остальных друзей не скажу, но я помню). Между собой мы, естественно, называли их только по именам, исключение составляла лишь учительница по биологии, милейшая женщина. Дело в том, что во времена нашей учебы в четвертом классе вместе с программой «В мире животных» нам показывали очень интересный сериал про животных «Дактари». Так вот, одной из главных героинь сериала была шимпанзе Джуди. А та самая биологичка внешне действительно напоминала обезьянку. И вот однажды кто-то (уже и не вспомню кто) впервые назвал её именем той шимпанзе. С тех пор это прозвище переходило с ней от одного выпуска к другому до самого выхода на пенсию.

Классными руководителями у нашей параллели были три учительницы: русского языка и литературы, химии и мате-

матики. Начну с нашей классной дамы – математички. Была она чуть старше наших родителей и такой же суховатой, как её предмет. Самыми тяжёлыми для нас днями однозначно были дни родительских собраний, потому что добрых слов про любого из учащихся на них практически не звучало, зато критики было больше, чем достаточно. Такой вот был у неё способ мотивации, слегка односторонний.

Руководительница «А» класса, литераторша, внешне была просто Мерлин Монро – блондинка, всегда при макияже, ярко одетая, улыбающаяся, она заставляла трепетать наши неокрепшие юные души и вполне уже крепнувшие... сами понимаете, что. Вишенкой на этот сексапильный торт была её привычка вольготно располагаться во время урока за своим учительским столом, закидывая ногу на ногу. При этом открывался вид на эти шикарные части её тела... выше чулок. Это уж точно было зрелище не для слабонервных, особенно для тех, кто сидел на первых партах. На них обычно сажали либо очкариков, либо двоечников. Так вот, один из таких разгильдяев (Андрюша, по-моему) впервые в своей жизни покраснел именно в такой момент на уроке литературы.

«В» классом руководила химичка. Она была самой старшей из троих и самой жесткой. Однажды она на месяц выгнала со своих уроков одного из учеников за то, что он неуважительно высказался о химии как о науке. Лично я её просто боялся, хотя вполне себе неплохо знал предмет. Думаю, что

я был не одинок в этом чувстве, потому что, когда в начале урока она начинала обводить класс своим взглядом, выбирая, кто будет отвечать, все головы, как созревшие колосья, начинали клониться к партам, пытаясь уйти с линии огня. Чтобы лучше понять это чувство, представьте себе кобру перед броском. Сравнение, может быть, не очень лестное, но, как мне казалось тогда, да и сейчас тоже кажется, достаточно точное.

Таковыми вот в основном были наши учителя. Как я уже говорил, кого-то из них мы боялись, кого-то в глубине души уважали, но вот любили ли мы кого-то из них... сомневаюсь. Наверное, потому, что сами не особо чувствовали их любовь. Возможно, кто-то из моих однокашников, читая эти строки, со мной не согласится. Спорить не буду, это только мои впечатления и воспоминания.

Случались, однако, и исключения из правил, расскажу о них чуть подробнее.

Одним из преподавателей физики был Михаил Пантелеймонович Бурлев, личность абсолютно потрясающая. Вся школа, от первоклашки до директора, звала его просто Пантелеймоныч. Когда он представлялся ученикам первый раз, это звучало примерно так: «Фамилия моя Бурлев: бур – это который все время бурит, а лев – это зверь, у которого грива, как у меня» (был Михаил Пантелеймонович лыс, как коленка). Он воевал, был ранен и сильно прихрамывал. Когда я смотрел фильм «Розыгрыш», был поражен сход-

ством с ним героя Зиновия Гердта, у которого была небольшая роль преподавателя химии. Сходством не столько внешним (хотя хромота была у обоих), сколько внутренним, личностным. Интеллигентность, чувство юмора, оба учеников на «Вы» называют. «Вот бы познакомить их, — думал я, — а ведь Зиновий Ефимович еще и в госпитале лежал в Новосибирске, вдруг это была наша школа»... Но не сложилось. К сожалению, у нас Михаил Пантелеймонович не преподавал, и, по сути, по-серьёзному, именно по учёбе, пересеклись мы всего один раз на выпускном экзамене по физике, где он был в комиссии. Ответил я вроде неплохо, хотя и волновался. После экзамена он подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Специально хотел Вас послушать. Понравилось. Удачи Вам». Безмерное счастье... Такой вот был замечательный человек.

Чтобы перейти к описанию следующего незаурядного педагога, я вынужден сделать небольшое отступление, вам будет понятно для чего. Когда СССР уже доживал последние месяцы своей истории, я по протекции Славика перешел работать из проектного института в некую коммерческую структуру, которая, в свою очередь, являлась частью другой коммерческой структуры. Но суть не в этом, а в том, что весной 1991 года я оказался в командировке в городе Одессе. Моим напарником оказался мой однокашник, только годом старше. Был он человеком правильной закалки (два года возглавлял школьный комитет комсомола) и был не дурак

выпить. Тут наши интересы полностью совпадали, что мы и делали практически каждый вечер, а спустя какое-то время и каждый день. Как вы понимаете, выпивать молча – это пьянка, а под разговор – общение. И вот, когда темы политики, женщин, спорта и многие другие уже были исчерпаны, я неожиданно для себя спросил: «Старик, а что тебе нужно для хорошего отдыха?» Ответ был неожиданным: «Лёха, совсем немного: ромашковое поле, пачка сигарет и книга хорошей русской классики». Я был в шоке, потому что тогда я русскую классику, как бы помягче сказать, просто не понимал (да и сейчас, честно говоря, понимаю не очень и не всю).

А вся разница заключалась в том, что литературу ему преподавала не наша, а другая учительница – Софья Яковлевна Некрасова. И её тоже вся школа звала просто Софой. Софья Яковлевна бы высокой и дородной женщиной, но самыми выразительными в её облике были глаза. В них, как сказал однажды Сёма, была сосредоточена вся столетняя боль еврейского народа (правда, он так сказал про одну из своих младших дочерей, но к Софе это тоже очень подходило). Когда она двигалась по коридору, смолкал шум, баловники затихали, все невольно расступались и только что не кланялись – это шла царственная особа, перед ней благоговели и преклонялись.

Вообще, наверное, школу мы, скорее, любили, ну, или не любили, а гордились, или даже не гордились, а просто были носителями некой общности типа как выпускники Кем-

бриджа, там, или Оксфорда. «Ты где учишься?» – «В сорок второй!» И это звучало и гордо, и престижно, и... вообще. Про нелюбимую школу никто не напишет стихи-частушки, а про нашу были:

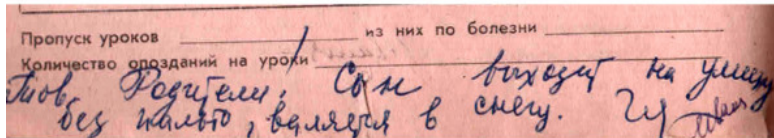
Стоит на проспекте
Вроде сарая
Наша родная
«Сорок вторая».

Правда, к концу нашей учёбы в этот текст было внесено небольшое изменение. Произошло это после того, как какой-то ухорез покурил под лестницей, а плохо затушенный окурок, видимо, от большого ума, засунул в бочку с остатками нитрокраски. Огня-то большого не было, но дыма, причем ядовито-черного, было столько, как будто подожгли небольшой заводик по производству резиновых изделий. В результате все учащиеся от мала до велика потом отмывали стены на лестничных пролетах с первого этажа до четвертого, а стишки приобрели такой вид:

Стоит на проспекте,
Никак не сгорая,
Наша родная
«Сорок вторая».

Глава пятая: про одноклассников и прозвища

Рано или поздно в любом подростковом социуме, а уж тем более в школе, начинают появляться прозвища. Придумываться они могут по-разному. Самое простое – как производная от фамилии или, реже, имени. Например, у нас в классе учился парень по имени Андрей, но из букв его фамилии настолько чётко складывалось – Гоша, что по-другому его уже никто и не называл.

К слову, до того, как попасть в нашу «четверку», я дружил «в тройке», в которую как раз и входил Гоша-Андрюха и еще один мальчик Дима, который уже в то мальчишье время выглядел очень взросло, лет эдак на 18. Мы, кстати, это обстоятельство частенько использовали во вполне определенных целях, которым, впрочем, будет посвящена отдельная глава.

Другой вариант возникновения прозвища можно назвать «из детства». Классическим литературным примером явля-

ется Киса Воробьянинов, который имел неосторожность сообщить о своем прозвище товарищу Бендеру. Свой Киса оказался и у нас в классе. Звали его Вадим, и, вспоминая его, мне кажется, что тогда внешне он был сильно похож на актера Дэнни Де Вито в фильме «Близнецы». Тоже небольшого ростика, длинные волосы, суетные манеры и такая же склонность ко всякого рода авантюрам. И вот как-то раз Вадик тоже имел аналогичную неосторожность сказать в приватной беседе с нами, что родные и близкие зовут его Муля. Мы тут же провели лингвистическое расследование, в ходе которого выяснилось следующее: владельцев имени Вадим иногда сокращенно зовут Дима, а нашего еще и ласково – Димуля. Однажды кто-то опустил первые две буквы, и получилось Муля. Излишне говорить, что и все одноклассники тоже стали Вадику «родными и близкими». Надо сказать, что Муля довольно часто говорил необдуманные вещи. Помните об ученике, который на месяц был изгнан химичкой с её уроков за то, что неуважительно высказался о химии как о науке, не имеющей особого практического применения (цитата практически дословная). Это был Муля, ну, а о том, как было вымолено прощение, знает только он сам.

Еще один очень распространенный метод – давать прозвища по каким-то внешним параметрам (про обезьянку Джуди я уже писал). Так вот, двум моим друзьям их прозвища пришли именно этим путем. Придумал их, как вы, наверное, догадываетесь, я. Славика, например, все звали Малы-

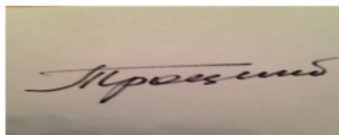
шом. Ну, действительно, как еще звать человека, которому до двухметрового роста не хватает всего пяти сантиметров (к слову, сейчас в волейбольном мире также называют Диму Мусэрского, у того, правда, рост побольше – 2.19).

С Сёмой было всё не так просто, но, учитывая его внешнее сходство с грузинами, мною был предложен вариант Кацо (вот так это пишется по-грузински: ჯაჯო и означает обращение к близкому другу). За время учебы это прозвище стало его вторым именем, а может, по большому счету и первым, даже наша «классная» иногда его так называла. Очень важным подтверждением моей, чего уж стесняться, выдающейся придумки был вопрос, который задал наш одноклассник с вполне себе грузинской фамилией, заканчивающейся на «-швили»: «Слушай, а Кацо – он грузин или еврей?» – «Сам-то как думаешь?» – спросил я. Тот подумал и сказал: «Нет, всё-таки еврей».

А вот к Аркаше так ничего и не прилипло, даже не знаю почему. Может, потому, что он был практически идеальным, может, его просто боялись. Нет, я-то, конечно, не боялся, просто ничего в голову не приходило, ну не опускаться же до банального прозвища Красавчик. Пацаны бы не поняли, да и Аркаша не одобрил бы, наверное.

Чуть не забыл рассказать о своем «творческом псевдониме». Он как раз образовался еще одним, уже, если не ошибаюсь, четвертым способом, назовём его контентным. Так вот, я очень любил к месту да и не к месту тоже употреб-

лять фразу э-э-э... «Врёшь, как Троцкий!» (знатоки помнят, что в оригинале эта чисто революционная поговорка звучит несколько иначе). И вот доупотреблялся я её до того, что так меня и стали звать – Троцкий. Причем тот же самый Муля через несколько лет после окончания школы окликнул меня на улице именно так. Потом, правда, долго извинялся, объясняя, что забыл, как меня зовут на самом деле. Да что там говорить – я даже на выпускной открытке расписался не своей фамилией, а псевдонимом. Вот примерно так:

В оригинале, кстати, автограф Льва Давидовича тоже выглядит симпатично, но это, так сказать, заграничный вариант, а я-то создал наш, отечественный.

A photograph of a handwritten signature in dark ink on a light-colored background. The signature is written in a cursive style, appearing to be 'Л. Троцкий' (L. Trotsky).

И в заключение этой главы о некоторых наших одноклассниках расскажу историю, которая из школы пролонгировалась и в уже довольно взрослую жизнь. У нас в классе было два, что называется, записных отличника: Гриша и Женя. Нет, я тоже неплохо учился, но недочёты поведения сводили на нет это достоинство в глазах классной руководительницы и других педагогов. А эти ребята были практически «иконами стиля», медалистами. Они и в жизни дружили, вместе занимались лёгкой атлетикой. Так вот, когда уже, наверное, в постсоветские времена Сёма организовал собственную многопрофильную фирму, и Женя, и Гриша разными путями оказались у него в заместителях. Думаю, что на тот момент честолюбие Сёмы было полностью удовлетворено. Он, кстати, и мне предлагал кресло его зама, видимо, чтобы иметь, так сказать, полный комплект отличников в подчинении, но я от этого портфеля благоразумно отказался. С друзьями всё-таки лучше дружить, а не работать под их чутким, как говорится.

Глава шестая: о том, как мы иногда учились, но в основном развлекались

Месяц <u>февраль</u>				
Дата и числа	Предметы	что задано	Оценка успеваемости	Подпись учителя
Понедельник	Рус. лит.	Хуже стал заниматься, работаешь на уроках.	2	ЗС
	История	Война.		
	мат.	нет		
	Географ.	Всё по билетам §36, 35, 34, стр. 10 ² , 8, 3, 16		

Вспоминать про учёбу, честно говоря, особо нечего. Учились мои закадычные друзья откровенно «не ошень», да что там – иногда просто откровенно валяли дурака. Мы с Аркашей сидели вместе на одной из задних парт и особо не документали учителям во время уроков. Иное дело – Славик с Сёмой. Они оба обладали не очень хорошим зрением, поэтому сидели, наоборот, на самой первой парте, прямо перед учительским столом. А учитывая беспокойный нрав обоих и их бурную фантазию, редкий урок обходился без замечаний в их адрес, а то и записи в дневнике. Такое размещение к тому же осложняло возможности что-нибудь списать или что-нибудь подсказать.

У Наума Станиловского есть рассказ о двух одноклассниках, «Пиявочка» называется, юмористический, разумеется, и в нём имеется такой вот фрагмент:

«Я вспомнил, как на уроке литературы, когда я отвечал значение творчества Льва Толстого, Пиявочка, усердно пытаясь помочь мне, подсказывал: «Огромное! Огромное!...»

Так вот, когда я его читал, то очень легко представил на местах главных героев своих друзей, причем каждый из них (что Слава, что Сёма) мог быть на любом месте на выбор.

А Аркаша очень любил устраивать всякие, как бы помягче выразиться, каверзы и пакости, причем всем, включая друзей. Однажды мы с ним сели не за одну парту, а друг за другом. Он впереди, кажется, с кем-то из девчонок, а я сзади прямо за ним один. И вот в ходе урока я, видимо, подустав, вытянул свои некороткие ноги так, что мои ботинки (кстати, шикарные туфли, которые купил на сэкономленные деньги в Москве, будучи на соревнованиях) оказались прямо под Аркашиным стулом. И что же делает этот «нехороший человек»? Он изгибается, делая вид, как будто что-то внимательно разглядывает на парте, и шариковой ручкой пишет на обоих ботинках известное слово из трёх букв. Когда я его вычислил, естественно, оба этих слова прилетели ему в ж... задницу в виде пинков, но он всё равно был безмерно счастлив этой проделке. Я же замучился потом сводить эти «та-ту», еле отчистил каким-то страшно едким средством, прав-

да, частично сошла и краска, но ничего поделать уже было нельзя.

Другая Аркашина шутка могла стать уже не такой относительно безобидной. Дело было так. Однажды после уроков мы оказались у Славика дома по какой-то надобности, по-моему, даже не выпивали. А окна его квартиры выходили прямо на главный проспект города. На этом проспекте имелась шикарная аллея, в просторечии именовавшаяся «просека». И вот Аркаша зорким глазом замечает, что как раз на этой самой «просеке» прямо под окнами на скамеечке сидит компания ребят-десятиклассников. Мы, а особенно Аркаша, были с ними хорошо знакомы, их компания по течению обстоятельств тоже включала в себя четырех человек. Вот они вчетвером там сидели и, ни о чем не подозревая, разговаривали. Изобранный ум Аркаши сориентировался мгновенно. «Тащи куриное яйцо», – распорядился он Славику. Когда снаряд был готов, Аркаша открыл форточку, тщательно прицелился и метнул его. После этого он очень быстро задернул все шторы, а мы все попадали на пол, чтобы нас не засекли. Но интереснее же всего посмотреть на плоды своего труда, и вот каждый из нас в свое окошко потихонечку в щелочку начал высматривать, что же там происходит. Естественно, что пострадавшая сторона вела такие же наблюдения снизу, дабы определить, откуда стреляли и, главное, кто. К сожалению и как обычно, самым неосторожным оказался я. И вот на следующий день ко мне подходит лидер их

компании по имени Женёк и уводит на разговор, по итогам которого я должен был огрести серьезных «люлей». К счастью, Аркаша вовремя заметил, что меня повели на разборки, примчался и отмазал. В итоге после пяти минут напряженного разговора всё закончилось ржачкой... хорошо, что в этот момент с нами не было парня, на чей дипломат так удачно «отбомбился» Аркаша.

Ну а вишенкой на торт Аркашиных шуточек-шуточек можно считать организацию им драки между Славиком и... мной. Как это всё случилось, что он нам говорил, как мы на все это повелись, уже ни я, ни Славик и не помним. Помню только, что Аркаше это опять-таки доставило удовольствие, особенно когда он нас типа разнимал. Такая вот гнилая оказалась вишенка. Тем не менее даже такой ужасный, иначе не скажешь, случай не помешал нам тогда оставаться друзьями, но в списке поступков, за которые мне до сих пор стыдно, этот стоит, пожалуй, на одном из первых мест.

Глава седьмая: о том, о чём писать стыдно, неудобно, неловко, но придётся

Вот если честно, то практически все наши основные помыслы в то время можно было сформулировать словами Бабеля о Менделе Крике – мы так же, как и он думали: «...об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях – и больше ничего». Ну, вместо мыслей о конях у нас были мысли о тёлочках, и им будет отведена целая отдельная глава. Сильно кровожадными, чтобы бить чужие лица, мы, слава Богу, никогда не были, хотя разборки между школами, дворами и улицами были тогда весьма популярны (ну, это понятно – Интернета ж не было и в помине, даже Play Station отсутствовали, как ещё свободное время-то занять). А вот об желании выпить водки, а точнее, вина, поскольку водку нам тогда всё-таки ещё не продавали, я расскажу поподробнее, поскольку желание это проходит через все временные пласты данной истории.

Первое организованное групповое употребление замечательного напитка под названием «Вино „Волжское“» состоялось... в седьмом классе на 8 марта. Кроме меня со Славиком в нем участвовал еще один наш одноклассник – взросло выглядевший Дима, о котором я уже упоминал и который,

собственно, и приобрел это самое «Волжское». Подробно-сти, откровенно говоря, помню смутно. Мне каким-то образом удалось проскользнуть мимо родителей к себе в комнату и изобразить дикую сонливость. Примерно так же, как потом выяснилось, поступил и Славик.

Однако, несмотря на частичную амнезию, ничего не помешало нам на следующий день в подробностях описать это действо, а также тот кайф, который мы от всего этого якобы получили. Восхищение и зависть в глазах одноклассников в основном и предопределили наши дальнейшие рецидивы выпивания.

Надо сказать, что в СССР тогда вообще было тяжело с любыми развлечениями, а главным и едва ли не единственным было как раз совместное распитие алкогольных напитков в больших количествах и поедание еды, у кого какая была. Поводы давали как официальные праздники, так и сама жизнь: дни рождения, новоселья, свадьбы, посадка, а также уборка картофеля и... просто собраться выпить-закусить в выходные. Всё это происходило, естественно, на наших глазах и воспринималось именно как проявление взрослой жизни, а кто ж в том возрасте не хотел выглядеть старше и опытнее?

Однажды мы с Аркашей приобрели несколько бутылок шампанского в преддверии уже не помню какого мероприятия. Прятать наш запас решили у меня.

– А хорошо бы его попробовать, – сказал Аркаша.

– Отчего же не попробовать? – ответил я.

Для дегустации я принес фамильные хрустальные фужеры, в которые мы и разлили шипучку. Поскольку большого опыта розлива у нас тогда не было, часть напитка оказалась на полу. Потом подотрём, решили мы и вкусили нектар. В это время раздался звук открываемой двери. Как выяснилось, на обед пришёл мой папа, чего он делал не то чтобы редко, а крайне редко. На раздумье оставались секунды. Аркаша моментально выкинул бутылку с остатками вина в форточку. (Краем глаза я заметил, что внизу в это время шла какая-то женщина, но в неё, слава Богу, снаряд не попал. Только многие годы спустя я узнал, что это была соседка, хорошая знакомая родителей, и я ей сильно благодарен, что она тогда же не рассказала им об этой угрозе её жизни.) Туда же он хотел метнуть и фужеры, но я успел перехватить его руку и сунуть их в какой-то шкаф. Сложнее обстояли дела с лужей шампанского на полу, но и тут выручила смекалка – лужа был вытерта котом, который был просто в ауте от этого, если не сказать ещё хуже. На вопрос отца: «Что это с ним такое?» я ответил, что, наверно, на незнакомого человека, то бишь Аркашу, так реагирует. Короче, «никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу».

Глава восьмая: о том, как Сёма стал совершеннолетним

Сёма первым из нас официально достиг шестнадцатилетия. День рождения его приходился на День Святого Валентина, но тогда об этом ещё никто и не знал. Само собой, мы все были приглашены на празднование такого, не побоюсь этого слова, знаменательного события. Но Славик, как обычно, умотал на очередные соревнования, и вся тяжесть выбора и, что не менее важно, приобретения подарка легла на нас с Аркашей. Головы были не просто сломаны, а практически разрушены: во-первых, тотальный дефицит всего, во-вторых, достаточно ограниченный бюджет. Проблема найти что-нибудь подходящее казалась неразрешимой. Решили начать с простого – во что это что-нибудь можно было бы упаковать. Незадолго до этого события у Аркаши от каких-то знакомых родственников образовался шикарный фирменный пакет с фотографией «ихней» красивой жизни. Аркаша повесил пакет у себя в комнате на стенку и относился к нему как к репродукции, да что там – как к подлиннику какого-нибудь шедевра мировой живописи типа «Ночного дозора» (хотя вряд ли он знал о существовании такой картины, пусть лучше будет «Джоконда»). Однако на что не пойдешь ради друга, и «свято место» стало пусто.

Первым в пакет мы решили положить бутылку, конеч-

но же, шампанского, учитывая торжественность момента. В магазинах еще оставались посленовогодние запасы, и этот вопрос мы решили легко (знали бы мы, чем нам это «гениальное» решение обернется).

И, наконец, основным подарком была выбрана фирменная пластинка, «диск» по-правильному, поскольку Сёма слыл меломаном и знатоком современной рок-музыки. По крайней мере, он знал по именам музыкантов не только Beatles, но и такой, например, группы, как Shocking Blue. Понятно, что в магазин «Аккорд», торговавший только продукцией фирмы «Мелодия», мы не пошли. Источником поставки нужного нам товара был выбран мой сосед Шура, учившийся в параллельном классе. Несмотря на ещё достаточно нежный возраст, у Шуры была уже весьма солидная репутация в фарцовых кругах. У него частенько бывал хороший товар, он не подсовывал брак (например, поцарапанный диск) и давал «приличную» цену. Когда мы озвучили Шуре нашу надобность, а заодно и наш бюджет, он почесал репу и сказал: «Ну что я могу вам предложить?.. Да практически ничего. Однако из уважения к вам, а в основном к имениннику, есть одна вещь... не очень широко известная в узких кругах, но музыка нормальная. Называется The Mamas & the Papas. Будете брать?»

Кто это такие, мы с Аркашей, естественно, не знали, но конверт нам понравился, и мы согласились со словами благодарности.

Отмечать всё решено было в субботу. Сёма сказал, что родители посидят полчаса и уйдут к друзьям. Кроме этого, он еще сообщил, что также будут его уже совсем взрослые друзья-музыканты, с которыми Сёма иногда играл в ансамбле под названием не то «Жизнь», не то «Молодость» (это именно с ними Сёма исполнял музыку Гершвина носом в восьмом классе на выпускном), и они «с собой принесут». Короче, мы с Аркашей предвкушали шикарный вечер.

По прибытии на место мы были представлены родителям и вроде бы произвели хорошее впечатление. И вот тут мы совершили ошибку: вместо того чтобы просто вручить пакет

со словами: «Поздравляем!», мы зачем-то решили достать наши подарки, бутылка при этом почему-то оказалась у меня. В глазах Сёминой мамы мелькнул неподдельный ужас, но, надо отдать должное этой мужественной женщине, она сумела быстро взять себя в руки (как выяснилось, отложив все разборки на потом). Родители даже не отменили свой «дружеский» визит, и день рождения реально прошёл очень здорово. Остались отличные впечатления и от знакомства с музыкантами, и от песен, которые они пели, и от вкусной еды под вкусную же «запивку»... Вспомнили мы с Аркашей о событиях того вечера примерно через месяц, после очередного родительского собрания. На нём мама Сёмы трагическим голосом сообщила, что они с мужем сомневаются, в правильное ли место они отдали своего мальчика. На вопрос классной руководительницы: «Почему же Вы сомневаетесь за вашего мальчика?» был дан душераздирающий рассказ о втягивание её сына в распитие спиртных напитков и всё такое. Знала бы мама про шестой класс... и всё такое.

В общем, последствия были, мягко говоря, не очень приятными, а реноме алкаша закрепилось за мной не только среди мальчишек и девчонок, но также их родителей.

Глава девятая, в которой «я календарь перелистнул и снова ... 1 сентября»

Ещё один, надо сказать, совсем не прикольный алкогольный случай связан опять-таки с 1 сентября, но уже в 10 классе. Тогда начало нашего заключительного учебного года мы решили отметить уже почти всем классом. Собрались спонтанно на квартире одной из девчонок. Парни вывернули все карманы для покупки, сами понимаете, чего. Собранная сумма составила восемь рублей с двадцатью примерно копейками. И чтоб вы представляли, купюр в этой кучке было всего две или три номиналом по одному рублю, всё остальное – мелочь, включая и желтенькие монеты копеечного достоинства.

За «горючим» отправили нас с Сёмой (Славы и Аркаши почему-то не оказалось). Так или иначе, вскоре мы уже стояли перед винным отделом в соседнем доме. Выбор нельзя было назвать очень богатым, но он всё же был: либо коньяк за 8 рублей 12 копеек (12 копеек стоила бутылка, 8 рублей – её содержимое), либо вино «Белое крепкое» за рубль две (расклад стоимости составляющих цены вы можете прибросить сами). В ходе двухминутного совещания выбор был сделан... ну, в общем, не в пользу качества, как это почти

всегда и бывало в СССР.

После этого Сёма высыпал наши «золотовалютные резервы» в блюдо для денег. Брови продавщицы, надо сказать, шикарной дамы весом примерно в центнер, из которого как

минимум четверть составляли золотые украшения, удивленно поползли вверх: «Что это?» – «Это? – переспросил Сёма. – Это денежные знаки». После такого аргумента ответить «девушке» было нечего, и через мгновение мы стали счастливыми обладателями восьми бутылок вина. И тут, как только мы вышли из магазина, на нас с Сёмой практически одновременно напало «большое зелёное животное». Нас стала душить жаба. «С какой стати все восемь бутылок отдавать остальным? – рассуждали мы. – Они и на... три не наработали». В конечном итоге решили отдать половину, а оставшиеся четыре спрятали в разных местах в подъезде. Правда, один сильно умный мальчик одной, кстати, с Сёмой национальности попытался обратить внимание всех на этикетку. По его расчетам мы принесли маловато. Однако Сёма очень доходчиво и убедительно сказал, что «это старые этикетки, которые напечатали, видимо, очень давно. И вообще, где ты сейчас найдёшь *приличное* вино по рублю, минимум – по два. А если не верите, сходите сами и проверьте». Проверять никто не захотел, включая умного мальчика, предпочтя этому другое действие. И началось! Выпиваем «дозу» с коллективом, выходим в подъезд вдвоём якобы покурить (ну и покурить, конечно, тоже) и догоняемся экспроприированным запасом.

В общем, результат такого марафона оказался для меня практически таким же, как для воина, который первым пробежал марафонскую дистанцию. Тот, по легенде, умер, хо-

тя бы успев крикнуть: «Радуйтесь, мы победили!» Я же крикнуть ничего не успел, поскольку в ходе медленного танца с одной из одноклассниц почувствовал, что меня сейчас вывернет, и успел только выскочить на лестничную площадку... Следующие часа полтора меня «не было», я находился практически без сознания. И слава Богу, а то пришлось бы слушать всё, что обо мне думала моя партнёрша по танцу, а так мне пацаны потом передали. Они же рассказали, что Сёма сильно матерился, когда отмывал за мной площадку. Он был так зол, что ушёл домой, даже не дождавшись меня из «комы». Ну на следующий день я, естественно, принёс свои извинения, и мы обратно помирились.

Этот случай сильно подорвал мой имидж бывалого пьяницы, о чём я, конечно, очень сожалел и никогда больше не прикасался к «Белому крепкому». Хотя нет, вру, прикасаться всё-таки пришлось, а вот пить его, к счастью, так и не довелось. Об этом случае расскажу позже – во второй части.

Глава десятая: о том, как важно оказаться в нужное время в нужном месте, и в целом про взаимоотношения полов

Как я упоминал в первых главах, после окончания седьмого класса всем учащимся полагалась так называемая трудовая практика. Наши три класса поехали на сбор огурцов в совхоз «Морской». Уж не помню почему, но ни меня, ни Славику на этой практике не оказалось, о чем мы потом жалели страшно (напомню, что Сёма пришёл к нам только в девятый класс). Так вот, училась у нас в классе такая девушка Варвара, с которой Аркаша поддруживал весь седьмой класс. Была она довольно симпатичная, а помимо этого была также племянницей весьма известного в стране и уж тем более в городе спортсмена, в то время уже спортивного функционера. Через это отличалась Варвара довольно резким характером и определенной широтой взглядов. Видимо, в силу обозначенных качеств, а также зашкаливающего либидо, эта самая Варя варварским способом лишила невинности Аркашу, а заодно и себя. И так они, что называется, в процесс втянулись, что не могли уже остановиться и занимались этим практически каждый день аж два следующих года. К концу девятого класса Аркаша заметно подвымотался и к то-

му же стал замечать, что на Варе-то, собственно, свет клином не сошелся, есть и другие симпатичные девчонки и... как говорится, процесс пошёл (об этом и не только подробнее в одной из следующих глав).

Самым красивым местом у Аркаши (и предметом моей постоянной зависти) был, конечно, нос, доставшийся ему от папы. Он у него был с горбинкой, практически как у Жерара Филипа. Аркаша им очень гордился и всегда в компании старался занять место и принять такую позу, чтобы профиль было лучше видно. Даже поворачивал время от времени голову из стороны в сторону... точь-в-точь как орёл в зоопарке.

Но профиль профилем, однако, даже в столь юные годы женские, пардон, девичьи уши и души нужно было чем-то заполнять. А делать это ему было практически нечем, ну, скажем так, не был Аркаша остёр умом. И вот этим заполнением занимались как раз мы, Аркашины друзья: шутили, рассказывали анекдоты, серьёзные и смешные истории, пели песни под гитару... Главный же приз в лице самой прекрасной дамы доставался Аркаше. Естественно, и Славик, и уж тем более Сёма, шикарный гитарист, не оставались без наград, девушек и им тоже хватало. Не хватало, как правило, только мне. Отсюда и постоянные, зачастую злые шуточки, переходящие в шутовство, и стремление выпить больше всех, из-за чего, даже когда девушек было достаточно, никакого продолжения уже, увы, не следовало.

Нет, у меня тоже, конечно же, была первая любовь. Это как раз случилось в «Артеке» после 6 класса, девочку звали Женя, нам было по 12 лет. Мы с ней танцевали медляки на танцах, гуляли. Потом я с ней долго переписывался, несколько лет. Постепенно интенсивность переписки ослабевала. А прекратилась она совсем уже в институте, после того как Женька написала в письме, что выходит замуж и скоро у неё будет ребенок. Я был в шоке, как это может быть, какой замуж, ты же **моя** первая любовь. Короче, так расстроился, что даже не стал писать ответное письмо... а может, написал, честно, не помню. Лет через 25, будучи в командировке в городе, где жила Женя, я с ней все-таки встретился, но сейчас не об этом.

Так вот, постепенно у меня сложился комплекс, связанный с моей внешностью. Особенно, как я уже намекал, досаждал мне нос картошкой. Бороться с ним (с комплексом, а не с носом) оказалось сложно, но возможно. Уже в институте я прочитал книжку про Сирано де Бержерака, и меня как молнией озарило – это же про меня: и нос, и шпагой владеет (я, кстати, забыл сказать, пятнадцать лет профессионально занимался фехтованием), да и умный же, стихи пишет (стихи, правда, я начал писать попозже). В общем, переварив и осмыслив всё это, я расстался курсе на втором с «позорной девственностью» и стал нормальным молодым человеком со всеми, как говорится, вытекающими. Вот так СВОЕВРЕМЕННОЕ (а не скоропалительное школьное) зна-

комство с классической литературой позволило мне поднять собственную самооценку!

Вернёмся, однако, к школьным годам. Сёма всячески старался поддерживать статус секс-символа и секс-гиганта. Даже, по его словам, писал эротический роман, основанный на личном опыте, который должен был стать просто бестселлером. Но, к сожалению, нам прочитать из него хотя бы главу не удалось, поскольку роман был найден Сёмиными родителями и уничтожен. Наличие у их сына ещё и литературных способностей они явно не оценили. Как выяснилось, горят даже такие рукописи.

Однажды Аркаша обратил внимание на то, что Сёма стал немного глуховат. На его вопрос мне: «Почему?» я в шутку ответил: «Сексом много занимается». Аркаша заволновался: «Как же так, я же больше занимаюсь». После этого некоторое время в общении с нами Аркаша всё переспрашивал или просто не слышал. Через какое-то время ему, видимо, это надоело, и слух нормализовался.

Возвращаясь к событиям начала этой главы, я, честно говоря, сильно сомневаюсь, что между Варей и Аркашей случилась большая любовь. Страсть – да, похоть – сколько угодно, а вот любовь... ну не верю я во влюбленного Аркадия. А вот Славик в 9 классе реально влюбился. У Вари была лучшая подруга Алёна. У неё была копна кудрявых каштановых волос, зелёные глаза, длиннющие ноги и голос с лёгкой хрипотцой, как у певицы Аманды Лир. Звали мы её почему-то

Скалолазка, как героиню песни Высоцкого, но вот почему – убей Бог, не помню ни я, ни кто-либо другой из участников тех событий. В общем, Славик влип в неё по самые уши. Сдаётся мне, что и она не была к нему равнодушна.

Надо сказать, что в это время в моде были мини-юбки, поэтому одним из самых увлекательных занятий в школе в тёплое время года было наблюдать снизу, как девчонки поднимаются по лестнице. Стринги тогда, конечно, еще не изобрели, но всё равно это было очень интересно. Однако, как это обычно бывает в гонке вооружений, у девочек очень быстро появилось контроружие. И вот, чтобы сломать нам кайф, девчачий портфель перемещался в район попы и нёсся двумя руками весь пролёт. Неудобно, конечно, но очень эффективно. Увидеть это захватывающее зрелище можно было только при совпадении двух условий: первое – если девушка была уверена в безупречности своих... ну, в общем, нижнего белья, а второе – если девушка сама хотела, чтобы это кто-то увидел. Как понимаете, второе условие случалось достаточно редко... со мной лично ни разу.

Но, отставив в сторону лирические отступления, еще несколько слов про Славику и Алёну. Их отношения были довольно продолжительными и довольно бурными. Фактически закончились они уже в институте, когда Алёна, устав, видимо, ждать моего друга, приняла предложение от ещё одного нашего одноклассника, с которым училась в медицинском. Кстати, интересный факт: в каждом из трёх классов

нашей параллели случилось по одной семейной паре. Правда, долгоиграющей до сих пор оказалась только одна из них. Алёна со своим мужем развелась, тот уехал в Германию, где работает хирургом и регулярно присылает Алёне вызовы, по которым она уже с новым супругом ездит в Европу. Такие вот «высокие отношения». Ещё более интересной, на мой взгляд, является история с моим соседом Шурой, о котором я уже писал (мы у него покупали с Аркашей пластинку для Сёмы на день рождения). Он тоже, уж не помню, как быстро, развелся со своей первой женой – одноклассницей, а вот дальше... внимание, женился ещё на одной своей однокласснице. «О, сюжет!», как говорил один полотёр.

И ещё немного о подругах Вари. До Алёны её центральной подругой была девочка по имени... Маруся Климова. Да-да, полная тёзка героини известной песни (но мы тогда, конечно, об этом даже и не подозревали). Она, кстати, тоже была на той самой «огурцовой» практике. Так вот, мы с Марусей, как бы сказать, испытывали определенные симпатии друг к другу. Особенные симпатии я испытывал... к её груди, ибо была Маруся уже в те юные годы «знойной женщиной, мечтой поэта» (вот как чувствовал я, что начну-таки писать стихи). Надо сказать, что всепоглощающую любовь именно к этой части женских тел я смог пронести через всю жизнь. К сожалению, после седьмого класса родители Маруси переехали, и мы больше ни разу не встречались. Ах, как же я сожалел об этом... и о том, что не ездил в совхоз

«Морской»...

И в завершение история с драматургией, пожалуй, сильнее всего рассказанного в этой главе. Я в предыдущей главе упоминал о дружбе с одноклассником Димой, который рано стал выглядеть очень взросло. Так вот, до 8 класса с ним дружил и Аркаша. Более того, он познакомил его с девушкой Ирой, которая жила с ним в одном дворе. Была она постарше нас года на два-три, не сказать, чтоб уж сильно красавица, но Димка влюбился без памяти. Аркаша, видя, что дело заходит слишком далеко, попытался, так сказать, открыть другу глаза и рассказал, со сколькими парнями из их двора она была... м-м-м близка и даже слишком. Но влюбленные, как известно, слепы и глухи. В тот же день за школой между ними состоялась драка, закончившаяся, как любят говорить футбольные комментаторы, результативной ничьёй. Ну, то есть по паре ссадин и синяков на фейсах бойцы друг другу сделали, но большой крови не было. После этого, как вы понимаете, они больше не общались. История эта стала известна и нашей классной руководительнице (я ж говорил, что все наши учителя могли бы служить в разведке), и вроде бы она имела на эту тему беседу и с Димкой, и с его родителями, но продолжение получилось довольно интересное и уж точно неожиданное. Где-то после весенних каникул Дима подошёл к ней и сказал примерно такую речь: «Мне до совершеннолетия осталось одна тысяча дней. Я знаю, вы никто не верите, но я даю слово, что через эту тысячу я на Ире женюсь».

«Классная» была слегка ошарашена, но тем не менее сказала что-то типа: «Я буду очень рада, если я ошибалась и всё так и случится». И ведь случилось. Они поженились, у них родился ребёнок, но... через несколько лет они развелись. Такой вот Шекспир!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.